

Крокозябры Плеромы

Татьяна Щербина. Крокозябры. М.: АСТ: Астрель, 2011.

Как написал недавно у себя в Фейсбуке Игорь Дудинский: *«Россия есть Ад, потому что именно в России сконцентрировались ВСЕ болевые точки и проблемы мироздания. И мы, русские, взяли на себя миссию чертей, обслуживающих адскую кухню. Родился русским – значит ты изначально черт»*. Ему вторит и Марина Королева, автор романа «Верещагин»: *«Запоминай, запоминай, пригодится. Так вот, родиться в России. Несчастье это, наказание, пожизненное заключение. Не верь тому, кто талдычит тебе: «Я горжусь, что здесь родился». В каком смысле этим можно гордиться? Смириться – да, по-христиански смириться, принять можно, но гордиться... Ну пусть теперь гордится местом своего рождения тот, кто появился на свет в тюрьме или в колонии, от родителей-заключенных¹»*.

Это – абсолютно типичные для русского интеллектуала высказывания, обычно не вызывающие никаких возражений. И когда Татьяна Щербина предваряет свою книгу цитатой из Борхеса *«Каждый рождается там, где может»*, для интеллигентского сознания это звучит наподобие популярного демотиватора про рождение в России как кару за неотработанную карму.

«Крокозябры – бессмысленный с точки зрения читателя набор символов, получаемый на компьютере в результате неправильного перекодирования осмысленного текста», – пишет Щербина в первой же сноске. Крокозябры – все члены семьи новых русских из первого текста этого сборника, написанного с безжалостной прямоотой. «Вы все кькокозябры», – говорит рыдающий ребёнок, и эта фраза становится ключевой для описания героев и ситуации, в которую они попали. Отец семейства ведёт двойную жизнь. В сейфе спрятан мобильник с именем Даши – любовницы, от которой у Дмитрия Евгеньевича двое детей. И когда она отказывается убежать с ним за границу от местных разборок, герой испытывает чувство десигнификации, утраты смысла: *«Всё на глазах превращалось в крокозябры, в нечитаемые символы, не в символы, которые надо расшифровывать, докапываться до смыслов, а в бессмысленные закорючки²»*.

Гораздо более реальными, чем люди, у Щербины становятся символы, знаки, слова. Это поэзис семиотического, превращающийся в диктатуру языка. Так, сама структура речи, согласно автору, может оказывать терапевтическое воздействие: *«Французский язык активизирует только сердечно-сосудистую систему и вытягивает из кашицы мозгов картезианские смыслы... Немецкий был языком особенным, она выучила его специально для здоровья... Когда на нем говоришь, укрепляются суставы, это язык скелета, структуры³»*. Добавим от себя, что всегда считали русский язык депрессивным языком Достоевского, а в качестве антидепрессанта употребляли английский.

¹ Королева М. Верещагин. М.: Астрель, 2012. С. 167.

² Щербина Т. Крокозябры. М.: АСТ: Астрель, 2011 С. 44.

³ Там же. Сс. 60-61.

Проза Щербины – торжество означающего над означаемым, денотата над референтом. Мотивация героев объясняется через значение их имён: профессор Седюк выступает как соблазнитель (*seducteur*), а наивная русская девушка Юля Дакшина преобразовывается в «дакшину» – дар, приносимый жрецу-брахману: *«Но на пенсии Седюку придётся стать жрецом, для того ему и вручили дакшину»⁴*.

Или вот текст про очень красивую записную книжку, в которую героиня никак не может вписать имена своих знакомых. Подаренная женщиной по прозвищу Злыдня для того, чтобы героиня вписывала туда имена своих жертв, своих несчастных любовников, телефонная книга вначале понимается как аналог Книги Жизни или ЖЗЛ, как иронично отмечает автор. Но затем оказывается, что вписанные в книгу люди один за другим начинают умирать или исчезать с поля зрения героини. В конце концов она понимает, что эта книга представляет из себя компьютерный вирус, весть из ада. Но в ходе всех перипетий, связанных с осознанием своей роли пишущего человека как творца этой реальности, героиня Щербины приходит к неожиданным для женской прозы гностическим выводам. Мы уже привыкли к русским писателям-гностикам, начиная от Достоевского и заканчивая Пелевиным, Сорокиным и Елизаровым. Но русская писательница как носитель гностического дискурса – это явление новое и свежее. Вот пример: *«Как же я не подумала раньше, что трагизм русского народа в том, что его Бог (поскольку властители – заместники Бога, его ипостаси для каждого данного народа) – злой. Он даёт богатство нечестивым, он бьёт палками и сгноивает в застенках добрых и честных людей, он отупляет их разум spirit’ом, духом спирта»⁵...*

Речь здесь, понятное дело, идёт о том, что лапидарно выразил гностик Маркион: *«Демидург зол и злы Его творения»*. Но, повторюсь, это абсолютно естественная мысль для любого русского интеллигента, осознающего себя носителем истины и света. И при этом депрессивного, как и любой гностик: *«...слезы лились из моих глаз ручьями, и очень удивительно мне было видеть, что вокруг ходят люди, у которых хватает сил не рыдать, хотя бы на улице»⁶*. Недавно мы поспорили с другим исследователем русского гнозиса, философом Михаилом Бойко, о том, бывают ли гностики-гедонисты. На мой взгляд, быть гностиком-гедонистом естественно. Поскольку мир ужасен и лежит во зле, а все люди разделены на три категории – духовных, душевых и материальных, причём первые из них спасутся при любом земном поведении, а последних ничто не спасёт, но спасение их и не интересует – логично было бы немного скрасить ужасы нашего мира. Бойко, создатель алгософии, или учения о боли, не мог со мной согласиться.

Татьяна Щербина пишет о естественности зла, о его имманентности русскому космосу: *«Просто у нас такая почва, удобряй не удобряй, что на ней хорошо растут только цветы зла»⁷*. И даже из французской культуры героиня Щербины выбирает именно Бодлера, поражаясь тому, что приезжий француз о нём и не слышал. Здесь мы сталкиваемся с избирательностью взгляда, с тем, что известно нам ещё с детства на примере мальчика Кая. Осколки зеркала Тrolля, попавшие в его сердце, меняют оптику, фильтруют зрение, и он начинает видеть только зло и жестокость. «Я сама была Снежной

⁴ Там же. С. 70.

⁵ Там же. С. 89.

⁶ Там же. С. 98.

⁷ Там же. С. 126.

Королевой (невроз на почве долгих зим)» – признаётся героиня Щербины. Но дело не только в этом. Михаил Елизаров пишет о Снежной Королеве как о гностической Софии, зеркало Тролля с неизбежностью превращается в зеркало Демиурга. Щербина объясняет стихийный гностицизм русского народа геопоэтически: у нас такая почва, у нас такой климат. Но только ли в климате дело, только ли в этих «болотах Невы» и девятимесячной зиме?

«В России вообще рождаются те, у кого карма вконец испорчена, кто ни в прошлой, ни в позапрошлой жизни даже не пытался её исправить. Это общеизвестно... Ещё есть теория, что Россия – узилище, где рождаются за грехи прошлой жизни, и куда б потом ни уехать – освобождение не наступит⁸». Это из повести «Метаморфоз», где греческое превращение происходит с бывшими советскими людьми в результате Перестройки и переезда за границу. Изменение, связанное с путешествием – это устойчивый литературный ход, к которому у Щербины примешивается легкий привкус ностальгии. Ностальгия, традиционно понимаемая как «тоска по родному дому», в настоящее время все больше употребляется в значении «тоска по прошлому, по былым временам». Филолог Гасан Гусейнов трактует ностальгию как тоску, приходящую уже по возвращении домой и объясняет этим видом ностальгии упорное нежелание Одиссея окунаться в родные пенаты. Кстати, считается, что именно в «Одиссее» встречается первое описание чувства ностальгии, хотя этот термин придуман швейцарским медиком Иоганном Хофером в конце XVII века.

В рамках гностического мифа ностальгия – это тоска по мистической Родине, называемой Плеромой. Неудивительно, что в трактате «Толкование о душе» из II Кодекса библиотеки Наг-Хаммади упоминаются строки из Одиссеи. *«Поэтому записано у поэта: "Одиссей сидел на острове, плача, печалась и отворачивая своё лицо от речей Калипсо и её обманов, страстно желая увидеть свою деревню и дым, идущий от неё. И [если бы он не получил] помощь с неба, [он не вернулся бы] в свою деревню". Так же ещё говорит [Елена]: ["Моё сердце] отвернулось от меня, и я хочу вернуться опять в мой дом⁹".* На то, что в гностическом тексте есть ссылка на «Одиссею», впервые обратил внимание А.Ф. Лосев в «Истории античной эстетики¹⁰». Сам же трактат «Толкование о душе» интересен не тем, что он позволяет по-новому взглянуть на мятущуюся героиню Татьяны Щербины. Меняя мужчин как перчатки, она уподобляется душе, что пустилась во все тяжкие, забыла свою небесную родину, *«построила себе блудилища у каждой дороги, и погубила свою красоту, и раскидывала ноги на каждой дороге¹¹».* В конце концов душа успокоилась, утихомирилась и нашла себе одного жениха, забывшего прегрешения её молодости. В этом суть гностического трактата, в котором отражаются представления о Елене, спутнице Симона Мага, взятой им из борделя, как о воплощении гностической Софии – истины, растоптанной вульгарностью материального мира.

⁸ Там же. Сс. 157-160.

⁹ Толкование о душе. Пер. с коптского М.К. Трофимовой // Русская апокрифическая студия. URL: http://apokrif.fullweb.ru/nag_hammadi/about_soul.shtml Этот трактат изначально был переведён с греческого на коптский, отсюда расхождения с привычными нам строками «Одиссеи» в русских переводах.

¹⁰ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Том VIII, книги I и II. М.: "Искусство", 1992, 1994. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/los8/13.php

¹¹ Толкование о душе. Пер. с коптского М.К. Трофимовой // Русская апокрифическая студия. URL: http://apokrif.fullweb.ru/nag_hammadi/about_soul.shtml

А вот о небесной родине-Плероме у Щербины: *«Родина периодически снилась ему, там было другое тело – не с виду другое, а по составу: лёгкое, гибкое, будто виртуальное. Был белый свет... Есть там и города, но не построенные из камня, а написанные этими световыми чернилами, там вообще нет тяжести, притяжения, привязанности¹²»*.

Следующий рассказ из сборника «Крокозябры» называется «Родина бес». Его героиня – девушка по имени Лилит Родина, что отсылает к почитаемому многими мистиками ветхозаветному демону Лилит, или к первой жене Адама, в отличие от Евы, не сотворенной из ребра Адама, а созданной равноправной супругой.

В шуточной реплике девушки: *«Вы не забыли, что теперь Родина – это я? Идите за мной»*, сказанной знакомому Художнику, сокрыто несколько смыслов. Это и отождествление Лилит и гностической Софии, и таинственная связь между телом женщины и пространством, между ландшафтом и женскими формами, доступная для понимания лишь младенцам и влюблённым.

Роман «Запас прочности», увенчивающий книгу, посвящён бабушке писателя и повествует о трёх поколениях российской семьи, одержимой матриархатом. Главные действующие лица здесь бабушка-революционерка, её невротическая дочка и гениальная внучка. Судьба страны, рассмотренная через призму женских судеб, поражает своей трагичностью (так Щербина называет Россию Трагедистаном) и безысходной предопределённостью. Населяют эту страну странные создания, механические кентаврессы: *«Я ведь и сама с детства ощущала себя скрещённой, с примесью, генетически модифицированным продуктом: получеловек, а полу – неизвестно что. В юности я сформулировала это так: «Животное-компьютер, сирота Божественного происхождения¹³»»*.

Согласно В. Ферстеру, одним из основных пяти признаков гностицизма является то, что *«только в конце мира божественный элемент в человеке возвращается к себе на родину¹⁴»*. А до этого все мы, по представлениям гностиков, и являемся такими божественными сиротами, лишёнными любви и ласки Плеромы. Животный элемент в человеке – его материальная природа, которая противоречит и подавляет искру иного мира. Это постоянное противоречие между духом и телом, о котором пишет Щербина, и которое она преодолевает с помощью текста как заново сконструированной материальной оболочки слова, и рождает то напряжение, без которого не было бы ни историй, ни Истории.

¹² Щербина Т. Метаморфоз // Щербина Т. Крокозябры. М.: АСТ: Астрель, 2011 Сс. 184-185.

¹³ Там же. С. 401.

¹⁴ Foerster W. Gnosis. A selection of gnostic texts. I—II. Oxford, 1972—1974. Цит. По Лосев А.Ф. Указ. соч.